ФИЛОСОФИЯ

УДК 111
ББК 87
П 30

Н.А. Петренко,

заведующая технологическим отделением Краснодарского колледжа управления, техники и технологии, г. Краснодар, тел. 8 918-11-30-490, e-mail: darina-adiga07@rambler.ru

Понимание: история и современность (Рецензирована)

Аннотация. На основе анализа работ отечественных и зарубежных философов о проблеме понимания автор делает вывод, что наряду с определенными достижениями в исследовании данной проблемы все же сохраняется немало спорных и нерешенных вопросов. Данная работа представляет собой основу для дальнейшего изучения проблемы понимания. Цель исследования данной статьи заключается в том, чтобы показать какое место занимает проблема понимания в науке, культуре, в жизни.

Ключевые слова: герменевтика, понимание, экзегетика, интерпретация, знание, смысл, мнемическое условие понимания, диалогичность, целевое условие понимания, текст.

N.A. Petrenko,

Head of Department of Technology, Krasnodar College of Management, Technics and Technology, Krasnodar, ph. 8 918-11-30-490, e-mail: darina-adiga07@rambler.ru

Comprehension: history and modernity

Abstract. Based on the analysis of works of domestic and foreign philosophers on comprehension, the author arrives at a conclusion that a lot of controversial and unsolved issues still remains along with certain developments in the study of the problem. This work is a foundation for further study of the problem of comprehension. The purpose of this paper is to show the place of the problem of comprehension in science, culture and in life.

Keywords: hermeneutics, comprehension, exegesis, interpreting, knowledge, meaning, the mnemonic condition of understanding, dialogism, the target condition for understanding, the text.

Проблема понимания известна со времен Древней Греции. Это извечная проблема, волнующая человечество и на сегодняшний день. Что такое понимание? Какое место занимает проблема понимания в жизни человека?

Точного ответа никто до сих пор не знает. Правильнее сказать, что все знают, но у каждого свое мнение. Сколько философов исследовали эту проблему, столько же возникало моделей и теорий. Понимание и непонимание, стремление понять или, наоборот, нежелание понять - обычные явления в повседневной жизни и профессиональной деятельности. Как повсеместные факты межличностного общения понимание и непонимание существовали всегда. В настоящее время проблема понимания оценивается многими учеными как чрезвычайно актуальная проблема.

К проблеме понимания растет интерес в широких кругах представителей науки о человеке, обществе, культуре – философии. Под пониманием большинство философов имеют в виду специфический способ освоения и познания человеческой реальности – внутреннего мира человека, мира его культуры, продуктов его практической деятельности. Мы все чаще имеем дело с ситуациями, когда возникает необходимость в понимании.

Наука, изучающая понимание, называется герменевтика. «Герменевтика – само слово восходит к древнегреческим мифам, согласно которым посланник богов Гермес был обязан толковать и разъяснять людям божественные вести. В иноязычной философии под герменевтикой понимали искусство толкования иносказаний, многозначных символов, интерпретацию произведений древних поэтов, прежде всего Гомера. Затем это понятие означало искусство толкования священного Писания, а потом искусство верного перевода памятников прошлого» [1].

Как философская проблема герменевтика была известна философам Древней Греции, занимавшимся обучением чтению и литературе, которое начиналось с поэм Гомера. Понимание последних было связано с большими трудностями из-за мифологического содержания. Формирование практических методов герменевтики началось с поисков эмпирических правил истолкования и понимания текстов самого различного содержания. В зависимости от особенностей этого содержания выявились и специфические правила их истолкования. Так возникла герменевтика, изучающая особенности, связанные в основном с переводом текстов античной художественной литературы. В средние века значительное развитие получила библейская экзегетика, занимавшаяся истолкованием текстов Священного писания. Позднее возникла юридическая герменевтика, которая разрабатывала правила интерпретации правовых документов [1].

Таким образом, в каждой из герменевтических школ разрабатывались свои правила истолкования и раскрытия смыслов текста, давались соответствующие рекомендации по их анализу, накапливался и обобщался опыт по их интерпретации [1].

Особое значение герменевтика приобрела благодаря работам Ф. Шлейермахера, который считается основоположником герменевтики как философского метода. Ф. Шлейермахер заинтересовала «философия языка», прежде всего проблемы отражения объективно-прекрасного в художественной литературе, а также в искусстве и в различных фрагментах культуры [2].

В 1819 году он провозгласил программу создания герменевтики как общего «искусства понимания», которой до этого не существовало. По его мнению, такое искусство должно быть одинаково применимо как для понимания текста Священного писания, так и художественных произведений, исторических хроник и текстов научных исследований. Если будут сформированы общие принципы понимания, тогда будут созданы предпосылки для построения общей герменевтики [2].

Ф. Шлейермахер является первым, кто изолирует проблему понимания и вырабатывает методологию герменевтического познания. «Пониманию подлежит не только дословный смысл сказанного или написанного тем или иным автором, понимание должно понять и самого творца-художника». Всякий текст, всякая речь может быть осмыслена и преобразована в акт понимания. Метод понимания обращается как на общее, так и на единичное – должен быть постигнут как текст, так и контекст самого произведения и автора. Сам текст Ф. Шлейермахер предлагал рассматривать как диалог между автором и его интерпретатором. В ходе такого диалога осуществляются два действия: в первом автор текста стремится выразить свои мысли с помощью предложений разговорного или письменного языка, а во втором интерпретатор текста, наоборот, пытается истолковать и понять смысл слов и предложений устной и письменной речи [2].

Ф. Шлейермахер различает несколько способов понимания, между которыми существует тесное взаимодействие. Понимание имеет две стороны: объективную и субъективную. Каждая из них состоит из двух видов понимания: исторического и дивинаторного. Таким образом, образуются четыре способа истолкования произведения: объективно исторический, объективно дивинаторный, субъективно исторический и субъективно дивинаторный. Ф. Шлейермахер отмечает, что герменевтическое искусство может быть развито не из условий, когда понимание невозможно или нарушено, а из условий, обеспечивающих решение проблемы. «Искусство герменевтики может развивать свои правила только из позитивной формулы, которая есть историческая и дивинаторная

(пророческая), объективная и субъективная реконструкция данной речи» [2]. Объективное понимание имеет своим предметом речь как факт языка. Подход к исследованию этой стороны произведения осуществляется через знание языка. Успех сопутствует тому, кто изучил язык так, как говорили автор и его современники. При объективно историческом понимании стараются выявить, «как речь выглядит в общности языка», а при объективно дивинаторном исследуется, «как речь становится пунктом развития языка» [2].

Сам процесс герменевтического понимания, по мнению Ф. Шлейермахера, осуществляется посредством двух взаимосвязанных и дополняющих друг друга интерпретаций: грамматической и психологической. Объективно историческое и объективно дивинаторное понимание составляют в совокупности грамматическую интерпретацию. Грамматическая интерпретация происходит в сфере языка и достигается в соответствии с общими, независимо от объектов правилами. Субъективно историческое и субъективно дивинаторное понимание вместе составляют психологическую интерпретацию. Психологическая интерпретация стремится выявить индивидуальные особенности автора, текста, языка и поэтому обращает внимание на события жизни, связанные с целью познания. Интерпретатор должен проникнуть в духовный мир автора идеи, произведения, исследования [2].

Герменевтический метод Ф. Шлейермахера предполагает диалогичность гуманитарного мышления, единство грамматической и психологической интерпретаций, принцип взаимосопряженности части и целого при понимании текстов, зависимость понимания от знания автора, понимание бессознательного в творчестве автора, построение гипотез, основывающихся на предварительном понимании [2].

Со Ф. Шлейермахера началось восстановление значимости и онтологического статуса герменевтики, ибо проблема понимания и истолкования захватывает не только само художественное произведение, но оказывается способом постижения человека, автора и всей человеческой реальности. Таким образом, исследования Ф. Шлейермахера стали исторически первым изложением теоретических основ герменевтического метода, которое было одновременно попыткой построения специфической методологии исследования гуманитарных текстов. Ф. Шлейермахером была определена проблематика универсальной герменевтики, были поставлены почти все ее основные проблемы [2].

В. Дильтей рассматривает герменевтику как искусство понимания письменно фиксированных жизненных проявлений и поэтому исследование исторического прошлого мыслит в качестве расшифровки текстов. По мнению В. Дильтея, понимание в гуманитарных науках должно основываться на способности исследователя воспроизвести, пережить первоначальное переживание (автора). Но как мы можем быть уверены в том, что воспроизведенное нами переживание имеет нечто общее с оригинальным переживанием художника эпохи Возрождения? Здесь В. Дильтей вводит в свою герменевтику важный принцип. Он допускает, что существует определенное подобие между субъектом, который является источником выражения, и субъектом, который пытается понять это выражение. Это подобие проистекает из общей человеческой природы. Жизнь в любые эпохи раскрывает одни и те же стороны, говорит В. Дильтей. Исходя из этого принципа, он утверждает, что существует внутренняя взаимосвязь между жизнью, жизненным опытом и гуманитарными науками. В процессе понимания именно жизнь понимает сама себя. Человек может понять то, что создано человеком [3].

Существуют большие различия как между отдельными индивидами, так и народами, принадлежащими различным эпохам и цивилизациям. Согласно В. Дильтею, индивиды распознают себя в других индивидах. Понимание строится на определенном подобии людей. Например, однояйцовые близнецы часто чувствуют одинаково. Но если мы все были «теми самыми», тогда не было бы проблемы понимания. В. Дильтей подчеркивает творческий элемент понимания выражения. Выражение – это объективизация творческого действия, а понимание само тоже является новым творческим действием, которое может быть объективизировано в качестве нового выражения (я понимаю то, что творю сам). Мы можем

понять слова, чтобы понимать предложение, но мы должны понимать и предложение, чтобы правильно понять смысл слов [3].

В. Дильтей полагал, что природу мы объясняем, а духовную жизнь понимаем. Жизнь заключается во взаимодействии личностей. Полнота жизни дана личности в ее переживаниях. «Сопережитое дано в понимании». Понимание приводит к категориям значения, ценности, цели, развития, идеала. Все они чужды познанию природы и укоренены в самой жизни. Категории жизни – это не простые понятия, а органическое содержание самой жизни. На вопрос о том, как личность достигает пристани категорий жизни, В. Дильтей дает ответ: герменевтическим путем. «Жизнь существует во времени как отношение элементов к целому, т.е. как некая взаимосвязь»; «понимание целого – смысл в жизни проистекает из значения (отдельных элементов)»; но и значение элемента (переживания) определено его отношением к целому. Схематизм естествознания описывает причинно-следственные связи, схематизм «наук о духе» – связь части и целого, целого и части в их соотносительности. Постигание этой соотносительности и есть понимание. Собственные переживания даны личности изначально, благодаря настоящему и воспоминаниям [4].

М. Хайдеггер ставит задачу доведения феноменологии до бытийных оснований. Если феноменология обсуждала вопрос о смысле в когнитивном, перцептивном измерении, то М. Хайдеггер говорит об онтологическом статусе смысла: мир имеет смысл, а язык – дом бытия. Говорящий в речи сам присутствует при своем говорении, ибо сущность языка заключена в сказке, то есть показе того, что уже содержится в языке. В языке уже произведен первоначальный учет взаимопринадлежности элементов мира, поэтому понимание имеет онтологическое значение. На долю человека приходится интерпретация как прояснение уже заведомо данного экзистенциального содержания. М. Хайдеггер провозглашает первичность мирознания над самосознанием [5].

Понимание развертывается в форме истолкования, состоящем в усвоении понятого. Истолкование мира осуществляется в ходе деятельно-озабоченного отношения к нему, как к сподручному. Будучи осмотрительно просматриваемым, оно расценивается с точки зрения пригодности, совершенствования и улучшения. Раскрытое в понимании выделено таким образом, как нечто, о чем идет речь, которое конституирует понимание. «Все допредикативное, немудрствующее смотрение подручного, – писал М. Хайдеггер, – как таковое, уже есть вместе понимающее и истолковывающее». Недостаточно мыслить понимание только как «воспроизведение некоей изначальной продукции». Каждая эпоха понимает дошедший до нее текст по-своему и, несмотря на увеличивающуюся историческую дистанцию между автором и интерпретатором, позднейшее понимание является более глубоким, обладает по отношению к «изначальной продукции» принципиальным преимуществом. Дело в том, что смысл текста не исчерпывается лишь изначальными моментами, а «он всегда определяется также исторической ситуацией, в которой находится интерпретатор, а следовательно, и всем объективным ходом истории в целом». А это значит, что не от случая к случаю, но всегда смысл текста превышает авторское понимание. Иначе говоря, сам автор текста не обязательно понимает его истинный смысл, а потому интерпретатор часто может и должен понимать больше, чем он. Тем самым понимание является не только репродуктивной, но всегда также и продуктивным отношением [5].

Достижением М. Хайдеггера считается подчеркивание им того, что время не является пропастью, которая «отделяет и отделяет». Более того – и опыт исторической науки подтвердил это – объективное понимание достижимо лишь при наличии определенной исторической дистанции.

По Х.-Г. Гадамеру, герменевтика не знает проблемы начала: «ведь конец и определяет начало, как начало конец» [6]. Это обстоятельство восходит к приверженности Х.-Г. Гадамера, к идее герменевтического круга. «...Процесс понимания постоянно переходит от целого к части и обратно к целому. Задача состоит в том, чтобы концентрическими кругами расширять единство понятого смысла» [6]. «Тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет набрасывание смысла. Как только в тексте начинает проясняться какой-то

смысл, он делает предварительный набросок смысла всего текста в целом. Но и этот первый смысл проясняется в свою очередь лишь потому, что мы с самого начала читаем текст, ожидая найти в нем тот или иной определенный смысл» [6]. Что значит понимать? Это значит «прежде всего понять само дело и лишь во вторую очередь – выделить и понять чужое мнение в качестве такового». «Понимание начинается с того, что нечто к нам обращается. Таково первейшее герменевтическое условие» [6].

Проблема понимания, как она решается Х.-Г. Гадамером, означает, что обращение к любому тексту требует прежде всего осмысления. Х.-Г. Гадамер оставляет за каждым интерпретатором не только способность, но необходимость личностного прочтения текста, его переосмысление и переоценки, или переписывания. Интерпретация текста состоит не в воссоздании первичного авторского текста, а в сознании собственного авторского текста. Цель понимания, по Х.-Г. Гадамеру, состоит не в должной интерпретации текста, не в реконструкции идей и мнений интерпретируемого, но в активизации собственных мыслительных процессов через формирование диалоговой вопрос-ответной системы. Интерпретация текста становится продуктивной, творческой стороной герменевтического опыта. Акцентируя внимание на онтологическом прочтении проблемы понимания, Х.-Г. Гадамер определяет понимание как состояние, в котором открывается возможность достижения полноты бытия. Понимание, по Х.-Г. Гадамеру, это не мыслительный анализ, а повод к размышлению над текстом, в ходе которого осуществляется самоутверждение интерпретатора. Понимание является базисом деятельности человека и даже жизни в целом именно потому, что в диалоге рождается настоящее действительное формирование смысла. Рождение смысла выполняет функцию инициатора понимания. Понимание Гадамера не является продуктом мыслительной деятельности, поскольку понимание немислимо. Понимание есть действие, состоящее в том, что, находясь в герменевтической ситуации, интерпретатор тут же использует каждую порцию добытого им смысла. Понимание есть род действия. В силу этого недопустимо сводить понимание к рефлексии и мышлению. Понимание действительно по самому своему существу. Герменевтика не признает чистое, не связанное с применением смысла знание [6].

Свою книгу «Истина и метод» Х.-Г. Гадамер заключает рассуждениями о преимуществе прекрасного (красоты), обосновывая тем самым преимущество эстетического перед этическим. Прекрасное он сравнивает с благом. «Безусловно, отличительная черта прекрасного по сравнению с благом-то, что оно являет себя из себя самого, делает себя непосредственно очевидным в своем бытии». Прекрасное в самом себе несет свою ясность и блеск, оно скорее может быть уловлено, чем благо. «...Прекрасное – это вообще способ явления благого, сущего, каким оно должно быть». В прекрасном дано сущее и его открытость (истина). Прекрасное – прежде всего соразмерность и симметрия, а не продукт изолированного сознания. Там, где торжествует праздник прекрасного, даны и благое и истинное, и этическое и логическое. Прекрасное – венец понимания, центр единства человека с вещами и человека с человеком. Для Х.-Г. Гадамера прекрасное – в первую очередь не радость чувства и не недоумение, вызываемое по случаю искусствами, а полнота понимания, достигнутая в герменевтическом опыте. Прекрасное от дела не изолировано, оно является его собственным бытием. Так, понятое прекрасное есть истина [6].

В. В. Розанов различает понимание и знание по природе и происхождению. Знание ограничивается простой регистрацией фактов, самоочевидных вещей, событий и явлений, не ставит вопросов о причинах вызвавших их к жизни. «Знание отрывочно, бессвязно, оно не соединяет различных явлений в одно целое, неразрывно скреплённое внутреннею причинною связью» [7]. Интерес к вопросам, уводящим за пределы области фактически данных объектов, стремление дать на них ответ означает уже переход к пониманию. «Понимание цельно: оно понимает отдельное явление в их взаимной связи, понимает целое, части которого составляют эти явления, поэтому для знания всё случайно и необъяснимо, для понимания все необходимо и понятно» [7]. Понимание не достигается путем накопления, элементарного арифметического прибавления и умножения знаний; понимание, если так

можно выразиться, есть более качественный и глубинный способ познания. «В развитии знания и понимания лежит резкое и глубокое различие: знание увеличивается через простое механическое прибавление одних знаний к другим, понимание совершенствуется, становясь глубже и полнее. Каждое приобретенное знание замкнуто в самом себе и не вызывает необходимо нового знания, всякое начавшееся понимание приобретает этот замкнутый характер только тогда, когда оно становится совершенным. Истины, в которых выражается знание, присоединяются друг к другу, но только в понимании они соединяются. Понимание есть стремление понять то, что уже известно как знание» [7].

В своем первом трактате «О понимании», В. В. Розанов открыл удачную и адекватную форму выражения единства бытия и понимания – тавтологию. Применяя тавтологии, В. В. Розанов добивался эффекта быстрого схватывания мысли. Казалось бы, что нового может еще сообщить такая аксиома: «Несуществования нет, а есть только существование»? Или что нам дает разъяснение «вопроса о существовании самого существования»? Но для Розанова такие простейшие конструкции необходимы, чтобы показать смысл жизни и знания о ней [7].

В XIX веке В.В. Розанов констатировал, что тип ученого собирателя и регистратора фактов, «копилки» знаний устарел. Едва ли может подлежать сомнению, что если наши успехи в науке незначительны, то наше понимание её природы, границ и целей ничтожно. Трудясь в отдельных областях знания, мы никогда не имели ни случая, ни необходимости задуматься над ним, как целым. Не мы устанавливали вопросы, на которые отвечали приобретаемые нами знания, и не мы находили им место в ряду других, ранее установленных знаний» [7].

Интересную концепцию предложил Поль Рикёр. Он пытается выяснить смысл интерпретирующей парадигмы для социальных и гуманитарных наук. В качестве центральной проблемы универсальной методологии П. Рикёр рассматривает проблему диалектики объяснения и понимания. «Важнейшим следствием нашей парадигмы, – пишет П. Рикёр, – является то, что она открывает новый подход к проблеме отношения между объяснением и пониманием в гуманитарных науках. В. Дильтей понимал это отношение как дихотомию... Моя гипотеза может дать более подходящий ответ на проблему, поставленную В. Дильтеем. Этот ответ заключается в диалектическом характере отношения между объяснением и пониманием, лучше всего выявляющемся при чтении» [8].

Диалектику понимания и объяснения П. Рикёр пытается уточнить по аналогии с диалектикой постижения смысла текста при его чтении. Здесь понимание используется в качестве модели. Реконструкция текста как целого имеет характер круга в том смысле, что знание целого предполагает знание его частей и всевозможных связей между ними. Причем многозначность целого является дополнительным побудительным мотивом для возбуждения герменевтических вопросов. Понимание присваивает себе полученный в результате объяснения смысл, поэтому оно всегда следует во времени за объяснением. Объяснение опирается на гипотезы, реконструирующие смысл текста как целого. Обоснованность таких гипотез обеспечивается вероятностной логикой. Путь от объяснения к пониманию обусловлен спецификой текста. При интерпретации текста имеет большое значение правильная методика формулировки вопросов по отношению к нему. Вопросы должны предельно ясно способствовать усвоению смысла текста. Вопросную методику исследования текста П. Рикёр переносит на философское знание, предлагает даже считать «вопрошание» философским методом [8].

Из приведенного анализа взглядов ряда философов на проблему понимания показывает, что представление о понимании менялось от античности до сегодняшнего дня. Так, если в античности понимание было близко истолкованию, в средние века проблема понимания рассматривалась в рамках экзегетики, занимавшейся толкованием древних, особенно религиозных, библейских текстов. Декарт, Спиноза объявляют наивысшей формой понимания интеллектуальную интуицию. В XIX веке, благодаря усилиям В. Шлейермахера и В. Дильтея, начала складываться более общая теория истолкования и понимания – герменевтика. Для В. Дильтея понимание было методом психологической реконструкции

духовного мира человека прошлого и переноса его в настоящее. Цель понимания, по Х.-Г. Гадамеру, состоит в активизации собственных мыслительных процессов через формирование диалоговой вопрос-ответной системы. Интерпретация текста становится продуктивной, творческой стороной герменевтического опыта.

Многие современные определения понятия понимания опираются на идею: понять некоторый объект – значит постигнуть смысл этого объекта. Понимание всегда субъективно и основано на индивидуальном восприятии явлений. Специфика понимания зависит всегда от двух обстоятельств: от ситуации, в которой мы находимся, и от задачи, которую мы решаем.

В науке и культуре проблема понимания существует в узком и широком смысле. Узкий – познавательный подход, попытка научными средствами изучить, что такое понимание. С середины XX века понимание рассматривается не как одна из процедур человеческого мышления, а как способ бытия человека в мире. Крупные мыслители (М. Хайдеггер и Х.-Г. Гадамер) рассуждали о том, что понимание – вообще главное, что нужно человеку в мире.

Для того, чтобы человек что-то понял необходимо выделить два наиболее общих условия понимания. Первое – это мнемическое (от греческого слова память) условие понимания, человек может понять только то, что находит отклик в его памяти. Если у нас нет никаких знаний о предмете, мы понять его в принципе не сможем. Абсолютно неизвестное не может быть понятно. Речь идет о том, что человек понимает. Человек не может понять знания. Знание – это, можно сказать, вроде очков, которые сидят на носу и через которые человек видит мир. Говоря о понимании, речь идет о том, как человек понимает мир. Этот мир бывает или природный, или социальный, связанный с другими людьми. Поэтому говоря о мнемическом условии понимания, мы имеем в виду те приобретенные знания по теме, которые позволяют понимать и природные явления и другого человека. Предварительные знания являются базой, на которой возникает понимание. Если их нет, то возникают проблемы.

Второе условие понимания – целевое. Его можно сформулировать так: обычно человек понимает только то, что соответствует его внутренним установкам, прогнозам, если что-то не соответствует его ожиданиям, то первой реакцией бывает непонимание. Чем необычнее, неожиданнее событие, тем больше требуется усилий, чтобы понять его. И если мы ждем от человека одного, а он говорит на совсем другую тему, мы не сразу понимаем его. Понять это можно, речь идет о том, что на первый момент бывает не понятно. Понимание – это компонент мышления, который направлен не на получение новых знаний, а на их осмысление, а также этот компонент мышления необходим человеку для того, чтобы познавать окружающий мир. Понимание не является отличным от мышления самостоятельным процессом. Понимание обеспечивает установление связи раскрываемых новых свойств объекта познания с уже известными субъекту, формирование смысла новых свойств объекта и определение их места и роли в структуре мыслительной деятельности. Для понимания нового материала, незнакомых фактов, событий человек всегда должен решить определенную мыслительную задачу, так как формирование понимания нового происходит в процессе мыслительной деятельности и оказывается ее результатом. Когда же субъекту нужно понять уже известное событие или явление, то понимание совершается без актуального участия мышления – это понимание-вспоминание. Любая форма данного феномена при повторном обращении субъекта к породившей ее познавательной ситуации превращается в понимание-вспоминание.

Подводя итоги, можно сказать о понимании, что это универсальная категория, которая относится к бытию человека в целом. Оно нужно ему чтобы понять, что он, какое место занимает в мире. Главное для человека - найти смысл жизни, а процесс поиска приводит к тому, что он понимает себя, жизнь и окружающих.

Примечания:

1. Спиркин А.Г. Философия. М.: Наука, 2002. С. 146.
2. Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям, ее презирающим. Монологи. М.: Наука, 2010. С. 102-105.
3. Дильтей В. Сущность философии. М.: Наука, 2010. С. 125.
4. Дильтей В. Категории жизни // Вопросы философии. М.: Наука, 2008. С. 130-137.
5. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Наука, 2010. С. 10-13.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Наука, 2008. С. 345-557.
7. Розанов В.В. О понимании // Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. СПб.: Наука, 1994. С. 5, 12-13, 108, 128.
8. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Наука, 1995. С. 98-101.

References:

1. Spirkin A.G. Philosophy. M.: Nauka, 2002. P. 146.
2. Schleiermacher F. On religion. Speeches to its cultured despisers. Monologues. M.: Nauka, 2010. P. 102-105.
3. Dilthey W. Essence of philosophy. M.: Nauka, 2010. P. 125.
4. Dilthey W. Categories of life // Philosophy Questions. M.: Nauka, 2008. P. 130-137.
5. Heidegger M. Works and reflections of different years. M.: Nauka, 2010. P. 10-13.
6. Gadamer H.-G. Truth and method: foundations of philosophical hermeneutics. M.: Nauka, 2008. P. 345-557.
7. Rosanov V.V. On understanding // Experience of researching the nature, borders and internal structure of science as integral knowledge. SPb.: Nauka, 1994. P. 5, 12-13, 108, 128.
8. Ricoeur P. The conflict of interpretations. Sketches of hermeneutics. M.: Nauka, 1995. P. 98-101.